

ГАСКОНЬ, ФРАНЦИЯ

1262 год

Кони уже не ржали — они кричали от боли и ярости. Тяжелые клинки полосовали воздух, вгрызаясь в щиты и вдребезги разнося шлемы. Воины выплевывали угрозы и проклятия в узкие отверстия в забралах, а руки их стонали от боли, причиняемой каждым ударом. В воздухе столбом стояла пыль, поднятая копытами боевых скакунов, и над виноградниками клубилась желтая дымка. В пересохших глотках оседал кислый привкус раздавленных спелых ягод, а соленый пот заливал глаза, ослепляя рыцарей.

В самой гуще схватки воин в красной с золотом накидке поднял щит, отражая очередной удар. Вонзив шпоры в бока своему коню и заставив того развернуться, он нанес ответный удар. Лезвие его меча вонзилось в бок врагу, прорубив ткань накидки и подбоя и застряв в кольчуге. Рядом с ним сражался гигант в сине-белой полосатой мантии. Он с маху нанес удар в спину противника, хрипло выдохнув проклятия в предличник¹ шлема. Атакованный рыцарь качнулся вперед, выпустив из руки меч. Его лошадь споткнулась, и он вылетел из седла. Рухнув на землю, почерневшую от раздавленных виноградин, он откатился в сторону, чтобы не быть затоптанным чудовищными боевыми жеребцами, тяжело переступавшими с ноги на ногу рядом с ним. Какой-то конь копытом все-таки задел край его шлема, оставив на нем вмятину, и воин бессильно скорчился на земле, лишившись сначала чувств, а потом и самой жизни. А над ним кипела схватка.

¹ Предличник — нечто вроде металлического воротника, прикрепленного к латному нагруднику и закрывавшего нижнюю часть лица.

Рыцарь в красной с золотом накидке воздел свой меч и издал яростный боевой клич, который быстро подхватили его соратники.

— Артур! — во все горло кричали они. — Артур!

Казалось, они обрели новые силы и второе дыхание. И теперь безжалостно рубились с врагом, не щадя никого — все больше их противников оказывались спешенными. Над гущей схватки взвился и затрепетал на яростном ветру боевой стяг. На алом поле золотом рдел огнедышащий дракон.

— Артур! Артур!

Гигант в сине-белой накидке лишился меча, но продолжал схватку, круша противников огромным щитом. Ударив его краем одного врага в шею, воин развернул его и, как копьем, протаранил забрало другого. Спротивление одного из рыцарей, упорно не желавшего сдаваться, привело его в бешенство, и он попросту схватил того за шею огромными ручищами и приподнял из седла. Но, когда его противник повис между их скакунами, беспомощно размахивая руками и рыча в бессильной ярости, трижды проревел боевой рог.

Заслышав его хриплый рев, те, кто еще оставался в седлах, опустили мечи. Тяжело дыша, они судорожно натягивали поводья, пытаясь сдержать и успокоить своих разгоряченных коней. Те, кто оказался на земле, с трудом поднимались на ноги и начинали протискиваться сквозь толпу. Их мгновенно окружили пешие воины, вооруженные короткими мечами и палашами¹. Один из спешенных рыцарей попытался было бежать, но запутался в виноградных лозах, и его быстро поймали и заставили вернуться к прочим пленникам. Оруженосцы принялись ловить лошадей, оставшихся без всадников и разбежавшихся после сечи.

Воин в алом и золотом стянул с головы шлем, украшенный позолоченными крыльями дракона — это оказался совсем молодой еще человек с острыми чертами лица, на котором яростным огнем пылали серые глаза, один из которых был наполовину

¹ Палаш — короткий меч с кривым лезвием.

прикрыт тяжелым веком, что придавало лицу зловещее выражение. Со свистом втягивая в легкие перемешанный с песком воздух, Эдвард окинул тяжелым взглядом побежденных, у последнего из которых только что отобрали оружие. Несколько рыцарей были ранены, причем двое из них тяжело. Еще один бессильно повис на руках товарищей, сдавленно постанывая и обнажив окровавленные десны с выбитыми передними зубами. Из груди Эдварда рвалось наружу бешеное торжество, и кровь горячими толчками пульсировала в жилах.

— Очередная победа, племянник.

Грубоватое замечание исходило от мужчины в сине-белой полосатой накидке, расшитой красными птицами. Уильям де Валанс снял свой шлем и отстегнул предличник, повисший на металлическом воротнике, соединявшем шлем с наплечником. По его широкому лицу ручьями струился пот.

Не успел Эдвард открыть рот, чтобы ответить, как его окликнул один из оруженосцев.

— Милорд, один человек погиб.

Эдвард обернулся и увидел оруженосца, склонившегося над телом. Накидка мертвеца была покрыта пылью, а сбоку на шлеме красовалась изрядная вмятина. Одна глазница была пустой, и из нее ручьем текла кровь. Остальные мужчины тоже смотрели на труп, машинально вытирая пот со своих лиц.

— Забери его доспехи и меч, — после короткой паузы распорядился Эдвард.

— Лорд Эдвард! — запротестовал один из пленников, стоявший безоружным в окружении пеших воинов. Он шагнул было вперед, но тут же остановился — путь ему преградили пехотинцы. — Я требую достойного обращения с телом моего боевого товарища!

— Вы получите тело для предания земле после того, как будет определена и внесена сумма вашего выкупа¹. Даю вам слово. Но его снаряжение принадлежит мне. — С этими словами

¹ По правилам средневековых турниров, за рыцаря, попавшего в плен, родня должна была внести выкуп победителю.

Эдвард передал шлем и щит своему оруженосцу и, взяв в руки поводья, направил коня между рядами виноградных лоз.

— Ведите пленников, — приказал Уильям де Валанс пехотинцам.

Люди Эдварда выстроились в колонну за своим предводителем, и стяг с драконом затрепетал над их головами, как вздетый кулак, темный на фоне сгущающихся сумерек. Оставив оруженосцев искать сломанное оружие и собирать раненых лошадей, бравая компания направилась прочь, не обращая никакого внимания на стенания крестьян, сбежавшихся к месту схватки и пришедших в отчаяние при виде понесенного ущерба. Турнирная арена, место для которой было выделено прошлым вечером, по обыкновению, располагалась меж двух городов и неизбежно включала территорию пастбищ, полей и даже деревни.

Шагом направляя своего коня, Эдвард стянул с рук латные рукавицы. По краям ладоней вспухли волдыри, кожа покраснела — и это несмотря на кожаную подкладку. За спиной он слышал негромкие голоса своих людей. Вне всякого сомнения, они обсуждали смерть и его реакцию на нее — в конце концов, это был всего лишь турнир и противники у них были ненастоящие. Но нельзя же вечно сражаться на турнирах! Очень скоро поле боя и враги станут взаимвадшими. И он хотел, чтобы его люди были готовы к этому.

Массируя противно ноющие руки, Эдвард искоса взглянул на Валанса, едущего рядом. Тот явно чувствовал себя вольготно и вполне удобно, опираясь на высокую спинку седла, и переплетенные кольца его хауберка¹ тихонько позвякивали о дерево. В отличие от молодых воинов, он ничуть не сожалел о случайной смерти, вытирая обрывком ткани лезвие своего длинного меча, зазубренное от долгой службы. И клинок был отточен намного острее, чем у Эдварда и его людей.

Поймав взгляд Эдварда, Валанс понимающе улыбнулся:

— Против рожна не попрешь, племянник. Нет, не попрешь.

¹ Хауберк — кольчужная рубашка (иногда длиной до середины бедра или колена) с длинными рукавами, иногда с капюшоном и рукавицами.

Эдвард ничего не ответил, лишь молча кивнул, вновь переводя взгляд на дорогу. Он не собирался оспаривать правила турниров, во всяком случае не тогда, когда речь шла о его сводном дяде, который помог ему и его людям выиграть большинство схваток этого года. Это позволило ему заработать столько лошадей, оружия и доспехов, что их хватило бы на целую армию, не говоря уже о том, что его удачливость привлекла к нему толпы молодых искателей приключений. На пиру по случаю очередной победы, несколькими месяцами ранее, один из них назвал его «новым Артуром», и прозвище приклеилось намертво, а под алое знамя с драконом потянулись новые рыцари. Валанс, конечно, отличался жестокостью, и дурная слава о нем давно перешагнула границы его родного города во Франции, но его свирепость на поле боя и тот факт, что он оставался одним из немногих родственников Эдварда, кто не бросил его в трудную минуту, превращали его в ценного союзника. Потому-то Эдвард не препятствовал дядюшке проявлять свой бешеный нрав, закрывая глаза на его вспышки ярости и временами весьма неблагоприятные поступки.

Когда кто-то из рыцарей постарше затянул непристойную победную песнь, которую с восторгом подхватили остальные, Эдвард оглянулся и увидел позади себя ухмыляющиеся, довольные и потные лица. Большинству воинов, как и ему самому, едва перевалило за двадцать. Здесь были младшие сыновья благородных французских семейств, привлеченные обещаниями богатой добычи и славы. После нескольких месяцев турнирных стычек Эдвард хорошо узнал своих людей. Отныне все они станут без лишнего слов сражаться за него. Еще несколько недель тренировок, и они будут готовы. И тогда он отправится в Англию во главе настоящей армии и вернет себе честное имя и свои земли.

Прошло уже девять месяцев с той поры, как король, его отец, отправил Эдварда в ссылку. Даже его мать промолчала, услышав приговор, по которому сын лишился всех земель в Уэльсе и Англии, полученных в возрасте пятнадцати лет согласно своему брачному контракту. Король Генрих был мрачен и молчалив, когда Эдвард покидал Вестминстерский дворец, направляясь в Портсмут на корабль, который должен был отвезти его